

Империализм от зародыша до титана

Василий Колташов

Борис Кагарлицкий. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010

Все, что мы знаем о настоящем, можно понять, только поняв оставленное в прошлом. Империи лишь кажутся чем-то простым и ясным. Обилие книг на эту тему не устраняет дефицита качественного анализа. Во множестве теорий легко запутаться. Но если задача – достичь истины, то начинать нужно с фактов, взятых в “философские перчатки” логики–диалектики.

Существует легенда, будто Ленин обладал техникой особо быстрого чтения и мог за считанные часы охватить десятки сочинений. Так он якобы читал почти все, что выходило по волновавшим его темам. В действительности он только пролистывал большинство книг. Заинтересовавшие его работы читались внимательно – с конспектом и карандашом. Пустые и малополезные произведения оправлялись обратно – туда, откуда брались. Русских революционеров учил читать Николай Чернышевский. Он полагал, что развитому человеку необходимо уметь выделять содержательные тексты и отбрасывать то, что отнимает время, ничего не давая взамен.

В наши дни книг, неспособных интеллектуально обогатить читате-

ля, стало значительно больше, чем когда-либо прежде. Отчасти виной тому – застой в официальной гуманитарной науке (если не сказать – деградация) и ее жесткая правая идеологизация. Намного сложнее стало выбрать действительно ценную работу в потоке новинок. В сфере социально–экономического знания дело обстоит особенно печально, и потому новая книга Бориса Кагарлицкого «От империй – к империализму» заслуживает самого внимательного отношения. Появление этой работы – важное событие российской интеллектуальной жизни. Интересна она и тем, что представляет современный марксистский анализ движения человечества от мира империй к миру империализма.

Работа «От империй – к империализму» посвящена развитию капитализма от эпохи добуржуазных государств до наших дней, времени корпораций и империалистической гегемонии. «Империи» – такова ключевая тема книги Кагарлицкого. Первая особенность работы – это стремление автора двигаться не от своих гипотез к фактам, а от конкретного исторического материала к научным заключениям. Вместо создания новых «научных» мифов, Кагарлицкий разоблачает их с помощью ценнейшего материала – восстановленной им картины реальных событий истории. Следуя словам Маркса о том, что товарное обращение есть исходный пункт капитала, Кагарлиц-

кий начинает свое исследование со средневековья и даже более ранней эпохи – древней Греции. Но что соединяет все эти далекие времена с нашим временем?

От древнейших и средневековых империй, больших и малых – торговых, исследование движется к империализму современности. В процессе этом воссоздается (подчас с крайне любопытными деталями) противоречивая логика исторического развития. Подчинено оно прогрессу экономики. Но Кагарлицкий, в отличие от многих других исследователей, стремится показать процесс не упрощенно. Чтобы понять медленные эволюционные фазы мирового развития, необходимо понять причины. Автор не ставит себе задачи добраться до всех великих хозяйственно-политических потрясений. Это было бы невозможно в одной работе. Но на нескольких больших кризисах он останавливается детально. Это, прежде всего, европейский кризис XIV столетия и уже намного более широкий кризис середины XVII столетия. Что дает нам их разбор?

Великие потрясения прошлого создавали условия для радикальных перемен. Так кризис XIV века был главным образом порожден истощением почв, как это показал еще французский историк Фернан Бродель. Природа не пришла на помощь христианскому миру: климат ухудшился, наступивший Малый ледниковый период обострил кризис феодализма, оказавшийся системным. Вспыхнули войны и эпидемии. Города и сельские районы Европы охватили восстания. Как они развивались и к чему вели? Что стало результатом всего этого переломом? Как связана вековая война между государствами Италии, Англией и Францией с будущими географическими открытия-

ми? И как повлиял кризис XIV века на положение буржуазии? Что изменилось в рыночной системе Европы? Почему лидерство перешло от буржуазных городов Италии к крупным феодальным монархиям? И как согласуется это с возникновением торговых монополий, в создании которых государства сыграли решающую роль?

Кагарлицкий обращается к критике марксистской традиции в интерпретации тех событий. Сделанные далее выводы помогут нам уловить характер более поздних связей торгового капитала и торгового феодализма. Он пишет, что частное предпринимательство не формировалось стихийно. Достигнув определенного уровня зрелости, средневековая буржуазия (крупный торговый капитал) вошла в союз с властью знати. Направляемое интересами negociантов и дворян, прочно вошедших в рынок, государство стремилось завоевывать новые зоны планеты и принуждать подданных к участию в товарном обмене. Эта особая роль государства определила будущие успехи Европы в деле покорения мира и развития капитализма. Как и в другой своей книге «Периферийная империя», Кагарлицкий продолжает дело Михаила Покровского, крупнейшего русского историка-марксиста, посмертно «разоблаченного» и осужденного сталинскими идеологами. Poleмические стрелы книги обращены также вправо, в адрес либеральных историков. Их мифы, сводящие прогресс к торжеству «свободного рынка», не выдерживают сопоставления с конкретикой. Не протестантская мораль или приверженность вольной конкуренции делает Запад мировым гегемоном, а соединение государства и капитала. Так создаются первые торго-

вые монополии, которые лишь спустя столетия (в конце XVIII века) начнут уступать свои позиции напору сторонников свободной торговли. Но до этого момента большие акционерные компании преобразуют мир.

Жестокий кризис XIV столетия помог Европе создать технический перевес над Востоком. Особенно значительными оказались успехи в добыче и обработке железа. Достаточно вспомнить какое восхищение вызывали цельнометаллические доспехи европейцев даже в развитых средневековых странах – Индии и Китае. Союз феодального государства и торговой буржуазии на Западе не мог бы сложиться без материальной основы. Ухудшение климата, как можно судить, помогло промышленно-торговому развитию Европы и ускорило внедрение новых технологий и общественных правил. Именно по итогам этого кризиса Западная Европа превратилась в центр мировой системы, ее лидера, сердцевину расширяющейся глобальной экономики.

В дальнейшем новые кризисы (как и кризис середины XVII века) лишь усиливали перевес Запада над периферией. Связь государства и капитала менялась, изменялся капитал, а также преобразовывалось государство. Через серию социальных революций в наиболее развитых странах мир перешел от эпохи торгово-колониальных империй к новому общему строю. В Голландии, Англии, а затем и Франции старые феодальные отношения были уничтожены. Завоевав власть в этих странах, капитал завоевал себе большую свободу в рамках хозяйства планеты. Империи стали другими. В ходе непростой и порой кажущейся нелепой борьбы выстроилась новая иерархия государств. К середине XIX

столетия Англия оказалась мировым гегемоном.

Хотя Кагарлицкий часто считается в России адептом школы миросистемного анализа, в данной книге он постоянно полемизирует с ее ведущими представителями. Меньше — с Иммануэлом Валлерстайном и Самиром Амином, больше — с Джованни Арриги. С одной стороны, книга Кагарлицкого показывает ограниченность гегемонии великих держав, а с другой — демонстрирует продолжительные периоды развития мировой системы капитализма без некоего единого государства-гегемона. Могущество Испании в XVI веке было ограниченным. И хотя эта держава являлась долгое время главным рынком Запада, она имела сильных соперников. Первая половина XVII века вовсе не была временем голландской гегемонии, несмотря на огромное влияние этой державы. После европейского кризиса 1640–1650-х годов Англия и Франция больше чем полтора столетия соперничали с переменным успехом. Британская гегемония устанавливается лишь после падения Наполеона, а утверждение на месте мирового лидера Соединенных Штатов тоже оказывается не простым: ему предшествует целая эпоха острейшего соперничества.

Книга Кагарлицкого показывает слабость выдвинутой Джованни Арриги в книге «Долгий двадцатый век» теории длинных циклов накопления. Согласно которой в мировой системе сменилось несколько стадий накопления капитала, имевших общие, даже повторяющиеся (что позволяет говорить о циклах), черты. Теория Арриги неплохо согласуется с представлениями об обязательности и сменяемости гегемоний, но начинает конфликтовать с более сложной кар-

тиной истории. Воссоздавая ее и предлагая собственное понимание логики развития, Кагарлицкий незримо продолжает свою полемику с этим известным левым исследователем.

И все же «главный герой» книги – политическая гегемония при капитализме, ее формирование, развитие и ее кризисы. Борьба империй, шедшая века, предшествовала складыванию британской глобальной гегемонии. Она в свою очередь сыграла огромную роль в форматировании мира как системы. США не заняли механически место Англии, а оказались гегемоном нового качества.

Соединенные Штаты захватывают позицию нового мирового гегемона после Второй мировой войны. Но США оказываются империалистом без империи. Еще в ходе Первой мировой войны они выступили за изменение глобальных правил и право независимости для малых народов. США не требовался контроль территорий других стран. Они выработали другие механизмы, среди которых главным являлась сама их экономическая мощь. Британия навязывала народам рынок и правила торговли. Аналогично вела себя в колониях Франция. Но задача приобщения к капитализму была выполнена. Империи оказались ненужными, стали переживать кризис и в конечном счете пали. Очень интересен в связи с этим рассказ Кагарлицкого о резких переменах в отношении буржуазии английских колоний к метрополии. Викторианский патриотизм сменяет отрицание империи.

Неудачи гегемона вовсе не обязательно оборачиваются полным крахом. Соединенные Штаты заняли место Англии в роли мирового экономического центра. Британия перешла на роль младше-

го партнера, как в свое время перешла на него Франция при лидерстве Англии.

Связи с американским рынком сделали послушными многие первоначально очень свободолюбивые государства. Прямая зависимость от процессов в экономике США позволила превратить деколонизацию 1950–1970-х годов в предпосылку для роста американского влияния на планете в новом виде. Сама гегемония США и ее внутренняя структура приобрели принципиально новые черты. После поражения во Вьетнаме казалось, что Соединенные Штаты вот-вот утратят свое положение в мире. Все получилось иначе.

Кризисный период 1970-х годов ослабил американскую гегемонию, но она не рухнула, а только видоизменилась. Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация стали ее новыми инструментами. Под влиянием США мир интегрировался идеологически. Неолиберализм превратился в тотальную религию современности, а миф о всеобщей демократии остался мифом. Европа попыталась сформировать свой центр гегемонии и посмела даже в 2000-х годах протестовать на официальном уровне против военных агрессий Соединенных Штатов, но осталась экономически раздробленной, неравномерной и зависимой от заокеанского лидера.

Мир снова оказался на переломе в 2008 году. Кризис глобального капитализма выявил острый кризис гегемонии США. Сложившаяся за три десятилетия общемировая неолиберальная модель экономики начала погружаться в пучину нескончаемых проблем. Экономисты очень быстро уловили, что главной наукой эпохи может стать их наука. Однако очищенная от всего «лиш-

него» либеральная экономическая доктрина не была способна ничего объяснить. В ней отсутствовало главное: понимание истории и интерес к ней вообще. Адепты неолиберализма были бессильны понять природу нового глобального кризиса и предугадать его развитие. Глубокие корни потрясений современности были скрыты под пластом академического невежества.

Кагарлицкий не случайно оказался у истоков осмысления экономической катастрофы современности. Руководимый им институт одним из первых предупредил о надвигающемся кризисе. В основе его оценок и прогнозов лежало глубинное изучение мировой и российской экономической истории.

В 1930-х годах марксистская историческая школа Покровского была разгромлена в СССР. Сталин взял курс на подчинение знания задачам патриотической пропаганды. В советскую эпоху гуманитарные науки (не только история, но и экономика) несли на себе печальный след совершившегося при Сталине переворота. Был ли «советский марксизм» настоящим марксизмом? Классовый анализ во многом отодвигался на второй план. Национальный взгляд на историю выступил вперед. В России 1990–2000-х годов Борис Кагарлицкий стал тем ученым, который первым вернулся к изначальной логике марксистского анализа прошлого. В книге «Периферийная империя» он показал, каким большим процессам было подчинено развитие России от первых княжеств до наших дней. Мировой рынок (а не «мудрые царь-реформаторы») сыграл роль творца важнейших поворотов в отечественной истории. По существу новая книга является продолжением предыдущей. Теперь Кагарлицкий стремится уже вскрыть связи ми-

рового рынка с развитием планеты вообще, в особенности подчеркнув роль институтов (государств и крупных коммерческих учреждений) в сотворении глобальной экономики как мы ее знаем.

Кризисные события настоящего проще всего объяснить лежащими на поверхности фактами. Не случайно банкротства банков рассматриваются многими как порождение их ошибок, случайных обстоятельств или дурных правил, а биржевой крах возводится в причину краха промышленного. Кризис американской имперской гегемонии выглядит не результатом ее успехов, а плодом неудачных политических решений. Но если постараться распутать клубок исторических событий, то социально-экономические процессы современности утратят черты детектива. Множество наивных неубедительных версий отпадет. Их заменят четкие ответы и логичные предположения. Кризисы экономики и глобальной гегемонии одинаково предстанут детисцами развития, признаком исчерпания его возможности в старых формах. Мир не единожды переживал подобные ситуации.

Исследование Кагарлицкого многое проясняет в закономерности имперской «эволюции» истории. Эта работа заслуживает внимательного прочтения. Книга позволяет многое понять в мировой истории, отбросить внушенные иллюзии и, взглянув в прошлое, постичь природу основных событий нашей эпохи. О ней, как и о «Периферийной империи», будут спорить, кого-то она заденет, кого-то побудит сформулировать собственные ответы на поставленные в ней вопросы. Но важно другое: «От империй – к империализму» создает базу для дальнейших исследований.